

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

СОВЕСЕДНИК

Константинос Контокриснос: Я сделаю оперу театральной драмой

Постановщик «Лючии ди Ламмермур» рассказал о «театре в театре», «двойном финале» и гигантском зеркале на сцене

Юлия Баталина

— Что привело вас, греческого режиссёра, живущего в Германии, к постановке итальянской оперы в русской провинции?

— О, это прекрасная история! Всё началось со знакомства с Теодором (*Курентзисом*. — *Ред.*). Это было давно. Мы оба учились в то время в консерватории в Греции. Круг общения был один и тот же. Как-то вечером мы сидели в ресторане с общими друзьями. Через 10 минут после того, как мы познакомились, наши друзья, наверное, начали считать нас страшными хамами, потому что мы перестали обращать внимание на окружающих и начали обсуждать нашу главную страсть — голоса. Оперные голоса, разумеется. Мы говорили, и говорили, и говорили.

Мама Теодора была преподавателем музыки, давала уроки фортепиано на дому. Я стал там часто бывать, и рядом всё время был Вангелино, младший брат Теодора. Мы могли общаться, казалось, бесконечно, и всё время говорили о музыке. Я поражаюсь терпению их мамы: она всё время нас всех кормила. Расставались мы ближе к восьми часам утра: я был студентом, жил на другом конце Афин, такси мне было не по карману, поэтому я вынужден был сидеть до утра, когда начинал ходить общественный транспорт.

После консерватории я отправился в Германию, где начал карьеру певца (я тенор), а Теодор через несколько лет переехал в Россию. Мы потеряли друг друга из вида.

Как-то один знакомый мне греческий режиссёр ставил в Германии трагедию Эврипида, и ему понадобилась помощь в подготовке хора. Он попросил меня обучить пению драматических артистов, чтобы они могли правильно декламировать. Я начал помогать ему в подготовке артистов и постепенно стал ассистентом режиссёра.

Затем было много подобной работы в разных театрах — например, в Греческом театре в Вуппертале, на культурном форуме во Франкфурте, и к концу 1990-х годов меня стали воспринимать как театрального режиссёра. Я стал ставить спектакли, всё больше и больше спектаклей — это были и современные пьесы, и классика.

— Стало быть, вы режиссёр опытный. Но в то же время «Лючия ди Ламмермур» — ваш дебют...

— Да. Все мои режиссёрские работы были в драматическом театре, я никогда не ставил оперы.

Несколько лет назад мы с Теодором снова встретились и обнаружили, что наша общая страсть жива — мы по-прежнему часами могли обсуждать оперные голоса! Плюс к этому мы теперь часами могли говорить о театре. Я как раз ставил «Эдипа-царя», и мы начали обсуждать эту трагедию, я рассказал Тео-

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

дору, как я её понимаю, почему я ставлю её в современном стиле, и с тех пор Теодор стал проявлять интерес к моим режиссёрским работам. Он часто в шутку говорил: «О! Ты должен поставить для меня оперу!», несколько раз даже предполагал, какая это могла бы быть опера, например, упоминал «Женщину без тени» — оперу Рихарда Штрауса, очень, очень сложную вещь. «Да, конечно, с радостью!» — всегда отвечал я, но это были всего лишь шутки.

Пару лет назад он сказал: «Хватит шутить, давай работать» — и предложил мне поставить «Лючию». Я ответил: «Супер! Это великая вещь!»

— Вы быстро согласились? Стало быть, предложение не застало вас врасплох?

— Репертуар бельканто я знаю весь, наизусть. Я эти вещи узнаю, даже если их проиграть от конца к началу. Это моя жизнь! Я знаю эти оперы изнутри как певец, мне понятны все их технические трудности, но в то же время я уже думал о них как режиссёр.

В «Лючии» есть три или четыре фрагмента, которые можно отнести к самой красивой музыке в мире, поэтому эту оперу часто поют, как на концертах. Многие постановки, которые я нашёл в интернете, как раз такие: в них главное — спеть на публику эту божественную музыку. Это само по себе неплохо, но в этой истории так много действия и чувств! Столько характеров! Даже хор выражает чувства, даже оркестр! Я буду счастлив сделать это так, как я это вижу!

— Каково же ваше видение этой истории?

— Я вижу это как драматический режиссёр. Да, я буду впервые в жизни ставить оперу, но сделаю её настоящей театральной драмой. Никто не будет петь стоя лицом к залу.

Лючия в пьесе говорит о призраках, о своих видениях. Её призрак — это девушка, убитая её любовником, в пьесе это символ любви, которая заканчивается трагически. Лючия воспринимает появление призрака как предупреждение: она хочет большой любви, и она уже испытывает это чувство к Эдгардо, но её предупреждают, что такие вещи заканчиваются печально.

Для меня эти призраки — очень личный символ. Моя душа полна подобными призраками! Столько надежд в моей жизни потерпели крах, вызывая у меня слёзы! У всех есть свои призраки... Поэтому история Лючии для меня — метафора утраченных надежд.

Я уже был знаком с исполнительницей партии Лючии Надеждой Павловой, невероятной певицей. Я преклоняюсь перед ней — и как перед человеком, и как перед артисткой. Для любой певицы партия Лючии — краеугольный камень в карьере. Это настолько важно, настолько серьёзно, что почему бы ей не выйти на сцену не в образе героини, а в образе певицы — сыграть саму себя и в то же время стать олицетворением всех великих певиц? Всех, кто надеялся, и боялся краха надежд, и испытывал триумф? Каждый из нас может почувствовать себя на месте Надежды — для этого не нужно быть влюблённым, не нужно быть оперным певцом, можно быть просто семьянином, представителем какой угодно профессии, но мечты

есть у каждого, и все хотят, чтобы эти мечты сбылись. Иногда они сбываются, иногда нет... Поэтому у нашего спектакля будет двойной финал.

Я в целом оптимист. Надежда в роли Лючии будет не просто собой — она будет иконой, олицетворением оперной дивы. Она будет одета в стиле Марии Каллас, потому что Каллас — самый «иконный» образ оперной певицы. Это не значит, что она будет играть Марию Каллас, она будет в той же мере играть себя — великую оперную певицу.

Таким образом, у нас на сцене будет две героини — Лючия и Надежда. Они обе вовсе не должны трагически умереть! Пусть хоть одна будет счастлива! Я, конечно, не собираюсь редактировать Доницетти, я не собираюсь его трагедию завершать хеппи-эндом. Лючия умрёт, не сомневайтесь. Она будет уничтожена самым жестоким образом под давлением косного общества. Зрители, которые придут в театр, чтобы увидеть классическую трагедию с классической развязкой, не будут разочарованы. Я вам обещаю: те, кто ищет в театре красоты, выйдут с этой оперы со словами: «Это было так красиво!»

Но в то же время Надежда — или Мария Каллас, или любой другой человек, который увидит в этом образе себя, — преуспее и придёт к своему триумфу.

У нас потрясающая постановочная команда, невероятные художники. Я хотел, чтобы у нас на сцене сосуществовало два мира, два измерения — мир Лючии и мир Надежды, и мы вместе с художниками придумали огромное волшебное зеркало, через которое будет просвечивать другой мир.

— Это зеркало уже наделало шума в наших СМИ...

— Это моя вина: я считаю, что зеркало — очень сильный символический образ, оно наделено множеством смыслов, это источник силы, энергетический элемент на сцене. Зеркало — свидетель самых важных моментов в нашей жизни, наш главный собеседник. Глядишь — этак в зеркало и думаешь: надо же, я старею, волосы седеют... А зеркало тебе говорит: «Радуйся, что вообще есть волосы! И ещё радуйся, что становишься мудрее, лучше понимаешь мир!»

— Ваша работа завершается, зрители вот-вот увидят вашу «Лючию». Какие остались впечатления от работы в Перми?

— Я рад, что мой первый опыт в постановке оперы связан с Пермью. Я часто здесь бывал и раньше: консультировал Теодора по кастингу в трёх операх Моцарта — да Понте, приезжал ещё несколько раз. Я люблю этот театр, и это не дежурный комплимент — я его правда люблю, и каждый раз театр доказывает, что заслуженно.